

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

Думнова Эльнара Михайловна,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и гуманитарных наук
Новосибирского государственного
университета экономики и управления – «НИИХ»,
Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56
ORCID: 0000-0002-8880-3283
dumnova79@yandex.ru*

Аннотация

В статье представлен анализ основных последствий глобализации в контексте изменения социокультурного пространства глобализирующихся обществ. Методологическая база исследования сформирована на основании триангуляции социально-философского, социологического и системного подходов, комплексное применение которых позволило выявить последствия культурной глобализации, имеющие место на разных структурных уровнях социальной организации. Проведен социально-философский анализ основных потенциально возможных сценариев развития культурной глобализации, в качестве которых определены глокализация/локализация и транскультурализм. Выявлена роль регионального фактора как определяющего исход культурной глобализации в конкретном обществе и выбор той или иной тенденции преобразования социокультурного пространства, в частности глокализации. Обоснована значимость фактора международной миграции в данном процессе.

Выбор дедуктивной логики изложения позволил проиллюстрировать некоторые теоретические положения данными эмпирического исследования, проведенного весной 2021 года в рамках качественного подхода с применением методов глубинного и полуструктурированного интервью. Дизайн выборки определен следующими критериями: этническая принадлежность (страна-донор), возраст, период пребывания в России, образовательный статус. Кейс исследования представлен 12 информантами – магистрантами и аспирантами из Китая, обучающимися в вузах Новосибирска.

Интерпретация полученных данных позволила выявить механизм реализации транскультуральной модели трансформации социокультурного пространства глобализирующихся стран посредством образовательной миграции на примере России и Китая.

Исходя из теоретической рамки исследования, удалось прийти к выводам, что в процессе культурной глобализации весьма эффективной социальной категорией «экспортеров» являются мигранты. Вместе с тем в зависимости от вида миграции и ее субъекта результаты такого воздействия варьируются и влияют как на страну-импортера, так и на страну-экспортера глобальной культуры. На современном этапе культурной глобализации сформировался феномен транскультурализма как одна из тенденций преобразования социокультурного пространства, реализующаяся на макро-, мезо- и микросоциальном уровнях. Ее результатом является расширение жизненного пространства до формата трансационального, формирование дрейфующей – транскультурной идентичности и диффузность культур.

Ключевые слова: культурная глобализация, транскультурализм, глокализация, образовательная миграция, трансидентичность, социокультурная идентичность, социокультурное пространство.

Библиографическое описание для цитирования:

Думнова Э.М. Основные тенденции трансформации социокультурного пространства в условиях международной миграции // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 1. – С. 123–138. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-123-138.

Введение

В современном мире в условиях глобализации происходит динамичная трансформация социокультурного пространства обществ, включенных в этот процесс. Глобализация неразрывно связана с процессом международной миграции, являющимся одним из сильнейших катализаторов трансформации социокультурного пространства. В этой связи представляется важным изучение новых тенденций социокультурного развития современного российского общества сквозь призму данного процесса. Независимо от того, каков вид миграции, жизненное пространство ее субъекта расширяется, он приобретает новый социокультурный опыт, одновременно выступая транслятором своей родной культуры в обществе-реципиенте.

За последние десятилетия сформировалось несколько разнонаправленных тенденций изменения социокультурного пространства глобализирующихся обществ, наиболее четко выраженными из них являются мультикультурализм, транскультурализм и глокализация.

Их детерминация лежит в плоскости выбора типа адаптационной стратегии мигрантами. В этой связи возникает ряд потенциальных сценариев влияния мигрантов на общество-реципиент. В зависимости от выбора конкретного из них культура местного населения укрепляется, сохраняя свою уникальность, или же размывается под воздействием представителей других культур.

Целью статьи является изучение основных тенденций трансформации современного российского социокультурного пространства в контексте международной миграции на примере образовательной миграции из Китая.

Обзор литературы

Глобализация, начавшаяся в последней четверти XX века, не только стала катализатором целого комплекса социальных изменений, но и вызвала неподдельный интерес в научном сообществе. Определяя сущность глобализации, теоретики затрагивают ее истоки и последствия. Наиболее значимые изыскания в этом вопросе принадлежат Дж. Томлисону (Tomlison) [21, p. 175], Э. Гидденсу (Giddens) [14, p. 64], М. Элброу (Albrow) [11, p. 9; 12], Р. Робертсону (Robertson) [18, p. 8], У. Беку (Bek) [1]. Несмотря на авторский субъективизм, их точки зрения объединяет в целом нейтральная оценка процесса глобализации как некоего условия усиления взаимосвязи и взаимозависимости всех частей земного шара, создание общемирового сообщества. Китайский исследователь Синь-Хуан Майкл Сяо разделяет обозначенный подход, отмечая, что «глобализация в значительной степени является теоретическим отражением либеральной теории модернизации и радикальной мир-системной теории» [6, с. 57].

Вместе с тем глобализация является процессом многомерным и многослойным, что отражается в ее последствиях как на макро-, так и на микро-социальном уровне. Многогранность глобализации выражена в охвате разных сфер социальной жизни, что стало основным критерием ее типологизации. Поскольку в контексте нашего исследования рассматривается такой ее вид, как культурная глобализация и ее влияние на социокультурное пространство, то представляется необходимым подчеркнуть, что в рамках гуманитаристики вопрос о ее сущности и значимости вылился в теоретико-методологический дискурс, отражающий альтернативные точки зрения ученых.

Следует отметить также методологический аспект научной риторики по данному вопросу, отличающийся наличием разных позиций в определении понятия «культурная глобализация», выраженных в работах М. Уотерса (Waters) [23], П. Бергера (Berger) [13], Д. Хелда (Held) [15] и Дж. Томлисона (Tomlison) [21, 22]. В их трудах проводится идея о присутствии культурной глобализации на всех структурных уровнях социума. При этом представляется значимым теоретическое положение о том, что данный вид глобализации не только детерминирует новые социальные практики, реализуемые в пространстве повседневности, тем самым трансформируя его, но и способствует выработке новых способов интерпретации смысла жизни.

Если культурная глобализация выступает условием и катализатором определенных сценариев трансформации социокультурного про-

странства, то ее последствиями, т. е. возможными сценариями, являются мультикультурализм, локализация/глокализация, транскulturализм. Их изучению посвящены работы П. Бергера [2, 13], Ф. Фукуямы [7], С. Хантингтона [8, 9], П. Коллиера [3] и др.

Последствия культурной глобализации неразрывно связаны с параллельным процессом международной миграции, происходящим на фоне глобализации. В этой связи весьма значимым является выбор субъектом миграции адаптационной стратегии, каждая из них детерминирует один из обозначенных вариантов влияния на социокультурное пространство. В современной теоретической дискуссии выделяются две основные адаптационные тенденции: ассимиляция и транснационализм. Ассимиляционный подход наблюдается в концепциях М. Гордона, Р. Альба и В. Ни, А. Портеса и М. Чжоу; транснациональный отражен в работах С. Сью и Д. Сью, Дж. Бери, Й. Ким и др.

Методология и методы исследования

Методология настоящей работы представлена комплексом научных подходов, позволяющих использовать как теоретические, так и эмпирические методы исследования. Теоретической рамкой исследования является концепция культурной глобализации П. Бергера [13]. Эмпирической базой стали результаты социологического исследования, проведенного в Новосибирске в марте–июле 2021 года посредством качественных методов – глубинного и полуструктурированного интервью. Эмпирический объект исследования представлен двенадцатью информантами – магистрантами и аспирантами из Китая. Дизайн выборки определялся согласно возрастному, этническому и образовательному критериям. Формирование выборки проводилось методом «снежного кома». В середине полевого этапа использование данного метода стало неактуальным, поскольку удалось найти необходимое количество информантов в формате китайского мессенджера WeChat.

Инструментарием полуструктурированного интервью явился разработанный авторский гайд.

Интерпретация первичных данных в настоящей статье проводится посредством ряда теоретических методов в рамках триангуляции социологического и философско-культурологического подходов, что позволило рассмотреть эмпирический объект многогранно и получить более полную картину исследования.

Результаты исследования

Процесс глобализации получил импульс к развитию посредством влияния целого комплекса факторов. Отправной точкой глобализации стал научно-технический прогресс и внедрение его результатов в социальную

практику, что изменило коммуникативное пространство, дало возможность развивать и реализовывать новые формы социальной коммуникации. Технизация социальной жизни позволила преодолевать границы физического пространства и открыла новые возможности для модернизации разных сфер социальной жизни. Кроме того, политика открытых дверей, поддерживаемая большинством стран мира, способствовала усилению потоков международной миграции, что стало еще одним значимым фактором углубления глобализации и выделения культурной глобализации как одного из ее важнейших направлений.

Изначально этот тренд социокультурного развития в рамках гуманитарного дискурса связывался с формированием унифицированной культуры. Но время внесло коррективы в понимание этого процесса, продемонстрировав его результаты. Культурная глобализация в условиях нелинейности с учетом региональной специфики может иметь различные сценарии развития. Она является внешним фактором или методом, запускающим определенный механизм изменений социокультурного пространства. Глобализация является вызовом, на который дает ответ конкретное социокультурное пространство, являющееся объектом глобального культурного воздействия. Отношение и оценка импортируемой культуры определяется этническим составом общества, его культурной политикой и идеологией, устойчивостью национального менталитета и степенью стремления к сохранению национальной культуры и культурной аутентичности, а также исторической глубиной культурных оснований социума. Данными обстоятельствами детерминирован так называемый отклик на вызов глобализации. Следует выделить два основных механизма реакции на культурную глобализацию: локализация/глокализация и транскультурализм.

Сила культуры, т. е. ее устойчивость к внешним изменениям, во многом детерминирует реакцию. Так, С. Хантингтон подразделяет все культуры на «сильные» и «слабые». К первым он относит культуры стран Южной и Восточной Азии: Японии, Китая, Индии; ко второй группе – культуры стран Африки и некоторые европейские [9]. Итак, сильные культуры локализуют инокультурное воздействие, воспринимая, но при этом адаптируя «импортируемую культуру». Это явление было обозначено термином «локализация», введенным в научный оборот Дж. Уотсеном. Весьма показательным в этом отношении является пример Китая. Несмотря на то что в 1980-е годы по поводу культурной глобализации в Китае разгорелась дискуссия, в ходе которой выразилось неоднозначное отношение к участию Китая в этом процессе, поскольку, одной стороны, это путь к модернизации, а с другой – культурная глобализация является источником универсальных ценностей – свободы, демократии, несколько диссонирующих с традицион-

ными китайскими. В результате была принята умеренная позиция – локализация глобальной культуры, позволившая в определенной степени воспринимать и интегрировать ценности западной культуры для успешной интеграции в мировое экономическое и социокультурное пространство, сохраняя аутентичность своей культуры.

Западные теоретики глобализации справедливо выделяют дихотомию «глобальное/локальное», отражающую внутреннюю противоречивость и многоликость данного процесса.

Английский социолог Р. Робертсон в рамках теории «мировой культуры» ввел понятие «глокализация», трактуя его как одно из свойств глобализации, означающее, что с внедрением в ряде областей унифицированного кода проявятся противоположные явления: распад национальных образований до этнических общностей, регионализация и архаизация обществ [19]. Отечественные социологи используют термин «глокализация» для обозначения более узкого социального процесса, представляющего собой обособление различных социальных групп в их стремлении к замкнутости. Глокализация как стратегия свойственна, кроме того, и малым народам – субэтносам. В силу своей малочисленности и стремления к этнокультурному самосохранению такие народы последовательно отстаивают свою самобытность путем упрочения межпоколенческой трансляции языка и традиций. На институциональном уровне укрепление значимости национальной культуры происходит посредством создания научно-исследовательских институтов культуры и языка, факультетов, социальных организаций и культурных центров. Например, подобный процесс наблюдается в Республике Алтай, где титульным этносом являются алтайцы.

Так, культурная глобализация совмещает две разнонаправленные тенденции социокультурных изменений, приводящих к качественному преобразованию социокультурного процесса. Наряду с глокализацией существует противоположная реакция – выход за пределы национального, обозначенный в современной социальной теории как транснационализм. Вновь обращаясь к типологии культур по С. Хантингтону, следует отметить, что данный путь преимущественно выбирают «слабые» культуры, в большей степени подверженные воздействию внешних факторов, в частности инокультурному «импорту», под влиянием которого происходит трансформация ядра национальной культуры. Это выражается в «размывании» родного языка посредством внедрения в речь неологизмов и англицизмов. Кроме того, транснационализм предполагает трансформацию национального менталитета и как результат национальной и социокультурной идентичностей. Истоки этот процесс берет на этапе восприятия инокультурных ценностей, в данном случае это ценности индивидуализма,

культивируемые в западном обществе: свобода, карьерный рост, личностное развитие и проч.

Следует отметить неоднозначность последствий выбора транснациональной траектории развития, поскольку во многом эти последствия зависят от устойчивости национального менталитета и способности культуры к сохранению своего культурного ядра. Так, одним из возможных сценариев следования транснационализму может стать формирование новых видов наднациональной идентичности, так называемых транснациональных и бинациональных идентичностей; формирование бинарной системы ценностей; расширение языкового поля посредством формирования феномена билингвизма; обогащение новым социокультурным опытом, способствующим модернизации в разных сферах общества. Вместе с тем восприимчивость культурной глобализации обусловлена не только исторически сложившимися социокультурными характеристиками общества, но и способностью к организации эффективной системы контроля процесса культурной глобализации. Мы полностью разделяем точку зрения китайского исследователя Яньсинь Янь о значимой социальной роли в этом процессе следующих социальных субъектов (категорий): «...государственные структуры, которые регулируют приток иностранной культуры, посредством контроля культурного рынка; <...> интеллигенция и другие представители культурной элиты, выполняющие функции как комментаторов, так и участников процесса культурной глобализации; <...> молодежь, составляющая наиболее преданных и восторженных потребителей импортированной культуры» [10, с. 43].

При рассмотрении особенностей культурной глобализации представляется важным осмысление проекции транснационализма в сфере культуры, которая оформилась в виде феномена транскультурализма, предполагающего диффузию культур в процессе межкультурной коммуникации. Результатом этого процесса стало явление гибридизации. Культурные гибриды весьма разнообразны, что обусловлено степенью принятия «чужого» культурного опыта или же его отрицания. Интеграция культур порождает поразительные образования, диапазон которых широк, начиная с гибридизации в сфере архитектуры и заканчивая языковым синкретизмом. Трактовка глобализации как гибридизации получила свое обоснование в концепции гибридизации американского ученого Я. Недервеена Питерса. Под культурной гибридизацией понимается развитие транслокальных культур. К основным возможным формам взаимодействия культур он относит мимикрию, гегемонию, стабильную гибридность и дестабилизирующую гибридность [16, 17]. Гибридизация предполагает выход за границы культуры и динамичное соединение форм, элементов, фактов, принадлежащих до этого момента к разным культурам [5, с. 211]. Так в результате

выхода культуры за свои пределы происходит формирование гетерогенных новых культур.

Таким образом, соотношение глобального и локального, согласно концепции П. Бергера, может привести к одному из четырех возможных последствий:

- вытеснение местной культуры глобальной;
- автономное сосуществование локальной и глобальной культур в пределах одного социокультурного пространства;
- синтез глобальной и локальной культур;
- отрицание глобальной культуры как региональный отклик [6].

Фокусируя исследовательское внимание на социальном аспекте данного процесса, представляется значимым выявление каналов гибридизации и «экспортеров» культур, от чего зависят результаты глобализационного процесса. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в данном контексте особую важность имеет образовательная миграция и молодежь как ее субъект. Выше уже отмечалась высокая значимость таких субъектов глобализации, как молодежь и интеллигенция. Это объясняется тем, что данные социальные категории в зависимости от профессиональной принадлежности, участвуя в процессе глобализации, могут повлиять на ее исход применительно к разным сферам социальной жизни.

Образовательные мигранты являются уникальным эмпирическим объектом, поскольку совмещают обе эти социальные характеристики, и исследование их адаптационной траектории контекстуально позволяет рассмотреть механизмы культурной глобализации, субъектами которой они выступают, а также ее результаты. Весьма значимым представляется исследование данного аспекта культурной глобализации в региональном формате, на примере образовательной миграции в Новосибирске.

Проведенное в марте–апреле 2021 года социологическое исследование, кейс которого составили 12 информантов – магистрантов и аспирантов из Китая, позволит проиллюстрировать экспликацию теоретических положений в рамках локальной социальной практики.

Выбор в качестве информантов выходцев из Китая объясняется, с одной стороны, тем, что они представляют значимую часть иностранных обучающихся в Новосибирске относительно других этнических групп образовательных мигрантов. С другой – эта этническая группа представляет исследовательский интерес, поскольку Китай, сохраняя свою культурную аутентичность, включился в процесс глобализации, следуя неким «срединным путем». Настоящее исследование было направлено на выявление специфики влияния субъектов образовательной миграции как экспортеров чужой культуры на социокультурное пространство Новосибирска.

Особое значение образовательной миграции в процессе изменения социокультурного пространства обусловлено тем, что ее субъекты имеют последовательную мотивацию с выходом на перспективу долгосрочной профессиональной деятельности в принимающем обществе, вместе с тем у них высокий образовательный статус и в ряде случаев они владеют языком принимающей страны на высоком уровне. При этом необходимо отметить локальную специфику процессов адаптации, что обусловлено целым комплексом факторов, в числе которых экономические, социокультурные, климатические и другие особенности региона миграции. В этой связи целесообразно обозначить территориальные рамки исследования, которые в контексте настоящей работы представлены пределами сибирского мегаполиса – Новосибирска. Новосибирск, являясь стратегически значимым городом – экономическим и научным центром Западной Сибири, привлекает многочисленные потоки мигрантов. Большую часть из них составляют студенты из Китая. Это объясняется тем, что за последние годы прослеживаются тенденции укрепления российско-китайских отношений и разностороннего сотрудничества. Укрепление внешнеполитических связей России и Китая проявилось и в сфере сотрудничества в области образования. Знание русского языка и русской культуры высоко востребовано в современном китайском обществе, что выражается в наличии факультетов русского языка более чем в сорока вузах Китая. Многие их выпускники продолжают обучение в российских университетах в рамках образовательной миграции.

Исследование показало, что, несмотря на устойчивость традиционных ценностей и межпоколенческой социокультурной преемственности, китайская молодежь весьма ориентирована на межкультурную коммуникацию, целью которой является интеграция в социокультурное пространство принимающего общества. Данный кейс продемонстрировал высокую профессиональную мотивацию субъектов образовательной миграции, лежащую в основе выбора интегративной адаптационной стратегии. В результате ее реализации наблюдается трансформация внешнего структурного уровня их менталитета посредством усвоения ценностей общества-реципиента, восприятие новых социальных практик и форм коммуникации, а также фреймов.

На поведенческом уровне это объективируется в изменении модели повседневной организации жизни, в отношении ко времени, формируется новая ценность общения с местным населением. Большинство информантов оценили общение как незаменимый по своей значимости канал адаптации (в частности, совершенствование владения русским языком) как основы формирования их социального капитала в России. В последнем они продемонстрировали высокую заинтересованность, поскольку, имея со-

ответствующее профессиональное образование (специальность «Русский язык. Русская литература»), в их профессиональные планы по завершении магистратуры/аспирантуры входит работа в России. Многие из них планируют работать как в России, так и в Китае, т. е. рассматривают трансграничный вариант организации жизненного пространства.

Информанты отметили отсутствие каких-либо трудностей в процессе адаптации, при этом многие из них сказали, что даже не заметили, как она происходила. Это объясняется тем, что представители нашей выборки приехали с высоким уровнем знания русского языка и русской культуры, а также уже имели опыт общения с русскими еще на родине.

Сунь Бо (28 лет, аспирантка): *«Если речь только идет о культуре, то на самом деле у меня почти не было адаптации после того, когда приехала в Россию. До этого уже познакомилась с людьми русской общины в Китае. Я сама тоже изучала и изучаю русскую культуру, в некоторых областях, наверное, я даже знаю русскую культуру лучше, чем многие русские. Может быть, можно считать, что именно любовь к культуре помогла? По поводу общества... честно говоря, уже не помню, как адаптировалась, и даже не чувствую разницу, но, может быть, это потому, что моя жизнь относительно проста и в Китае, и в России».*

Несмотря на это, исследование показало их устойчивое стремление к углублению знаний о русской культуре. Это выражается в посещениях ими различных культурных мероприятий, художественных выставок, чтении русской литературы, как классической, так и современной, а также в изучении православной религии и ее истории.

Канн Инань (29 лет, аспирантка): *«...Мне интересно прочитать классические художественные тексты, многие сходства между китайскими и русскими классическими художественными текстами, конечно, существуют различия. Считаю, что в русских национальных художественных текстах имеется и чувство истории, и традиция любви к стране и народу. С другой стороны, в русских рассказах существуют элементы, например, духа человечества, в русской литературе появляется человеческий дух, например, выражение сочувствия человеку и слабым людям, а также существует богатое чувство. Все эти элементы тесно связаны с характером нации русского народа».*

Таким образом, интериоризация новых элементов другой культуры приводит к подвижности внешнего структурного уровня менталитета при сохранении его ядра в виде архетипического набора и национального характера. В результате наблюдается подвижность социокультурной идентичности, выражающаяся в ее трансформации, продуктом которой становится наднациональная идентичность – трансидентичность. Данный процесс подтверждается информантами, рассказавшими о чувстве принадлежности к двум культурам и двум обществам одновременно (Лю Вань – Люба).

Лю Вань (31 год, аспирантка) рассказала: «...Кроме Питера мне тоже нравится Горно-Алтайск. Это первый русский город, который я знаю. И люди там добрые и хорошие, там много моих друзей. Я отношусь к этому городу как ко второму родному городу».

Осмысливая значимость данной категории образовательных мигрантов в изменении социокультурного пространства, следует сказать, что этот процесс распространяется как на страну-реципиента, так и на страну-донора/ страну исхода. Как показало проведенное исследование, образовательные мигранты являются активными транзитерами русской культуры в Китай. Возвращаясь на родину, они поддерживают распространение русского языка и его актуализацию как на обыденном, так и на профессиональном уровне коммуникации. Они обеспечивают циркуляцию культур посредством расширения границ своего жизненного пространства в формате трансграничья. Вместе с тем их влияние на культуру и общество принимающей страны невелико (применительно к Новосибирску), что объясняется их малочисленностью.

Так, рассмотренный кейс позволил продемонстрировать экспликацию в социальной практике тенденции транснационализма как трансформации социокультурного пространства.

Заключение

Таким образом, трансформация социокультурного пространства в условиях глобализации является неизбежным процессом. Ее особенности и тенденции во многом определяются региональной спецификой, обусловленной этническим составом социальной структуры, территориальной дислокацией региона, его культурным наследием и исторической судьбой, а также внешнеполитическими целями и вектором внутренней политики. Включенность России в процесс международной миграции и ориентированность на ее углубление, выраженная в подписании 1 октября 2018 года президентом РФ указа «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [4], дает основание утверждать о значимой роли международной миграции в процессе трансформации современного социокультурного пространства России. Вместе с тем разнообразие видов миграции, обусловленное гетерогенностью ее потоков по ряду идентификаторов (цель, продолжительность пребывания, социальный статус, уровень образования, адаптационная стратегия, численность), предполагает обозначение в качестве исследовательской перспективы изучение различных категорий мигрантов и их влияния на социокультурное пространство общества-реципиента. Это предполагает не только прирост нового теоретического знания в области данной проблематики, но и

позволит выявить формирование деструктивных тенденций, что станет основой для дальнейшего их предотвращения в рамках деятельности соответствующих субъектов власти.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; общ. ред. и предисл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
2. Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 8–26.
3. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 384 с.
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы // Президент России: сайт. – 2018, 31 октября. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 11.08.2022).
5. Птичникова Г.А. «Гибриды глобализации» в архитектуре городов // Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии. – М.: Ленанд, 2017. – С. 210–219.
6. Сяо С.-Х.М. Сосуществование и синтез. Культурная глобализация и локализация на современном Тайване // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 57–76.
7. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
8. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. – 635 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 573 с.
10. Янь Я. Управляемая глобализация. Государственная власть и изменения в культуре Китая // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 27–56.
11. Albrow M. Introduction // Globalization, Knowledge, and Society / ed. by M. Albrow and E. King. – London: Sage, 1990. – P. 3–13.
12. Albrow M. The global Age. – Stanford: Stanford University Press, 1997. – 246 p.
13. Berger P. Four faces of Global Culture // National Interest. – 1997. – Vol. 49. – P. 23–27.
14. Giddens A. The Consequences of Modernity. – Stanford: Stanford University Press, 1990. – 188 p.
15. Global Transformations: politics, Economics, and Culture / D. Held, A. McGrew, D. Goldblatt, J. Perraton. – Cambridge, UK: Polity, 1999. – 540 p.
16. Nederveen Pieterse J. Globalization as Hybridization? // Global Modernities / ed. by M. Featherston [et al.]. – London: Sage, 1995. – Ch. 3. – P. 45–68.

17. *Nederveen Pieterse J.* Globalization and Culture: Global Melange. – New York: Rowman and Littlefield, 2009. – 196 p.
18. *Robertson R.* Globalization. – London: Sage, 1992. – 211 p.
19. *Robertson R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherston [et al.]. – London: Sage, 1995. – Ch. 2. – P. 25–44.
20. *Robertson R.* Habib Haque Khondker. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations // International Sociology. – 1998. – Vol. 13, N 1. – P. 25–40.
21. *Tomlinson J.* Cultural Imperialism. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. – 200 p.
22. *Tomlinson J.* Globalization and Culture. – Chicago: The University of Chicago Press; Cambridge: Polity Press, 1999. – 238 p.
23. *Waters M.* Globalization. – London: Routledge, 1995. – 185 p.

Статья поступила в редакцию 16.01.2022.

Статья прошла рецензирование 11.03.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-123-138

THE MAIN TRENDS IN THE TRANSFORMATION OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL MIGRATION

Dumnova, Elnara,

*Dr of Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Professor of the Philosophy and Humanities Department,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
56 Kamenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation*
ORCID: 0000-0002-8880-3283
dumnova79@yandex.ru

Abstract

The article presents an analysis of the main consequences of globalization in the context of changes in the socio-cultural space of globalizing societies. The methodological basis of the study was formed on the grounds of the triangulation of socio-philosophical, sociological and systemic approaches, the complex application of which made it possible to identify the consequences of cultural globalization that take place at different structural levels of social organization. A socio-philosophical analysis of the main potential scenarios for the development of cultural globalization has been carried out, which are defined as glocalization/localization and transculturalism. The role of the regional factor is revealed as determining the outcome of cultural globalization in a particular society and the choice of one or another trend in the transformation of the socio-cultural space, in particular glocalization. The significance of the factor of international migration in this process is substantiated.

The choice of the deductive logic of the presentation made it possible to illustrate some theoretical provisions with the data of an empirical study conducted in the spring of 2021 as part of a qualitative approach using in-depth and semi-structured interview methods. The sample design is determined by the following criteria: ethnicity (donor country), age, period of stay in Russia, educational status. The research case is presented by 12 informants – undergraduates and graduate students from China, studying at universities in Novosibirsk.

The interpretation of the data obtained made it possible to identify the mechanism for implementing the transcultural model for the transformation of the socio-cultural space of globalizing countries through educational migration on the example of Russia and China.

Based on the theoretical framework of the study, it was possible to come to the conclusion that in the process of cultural globalization, migrants are a very effective social category of “exporters”. However, depending on the type of migration and its subject, the results of such an impact vary and affect both the importing country, and to the exporting country of global culture. At the present stage of cultural globalization, the phenomenon of transculturalism has emerged

as one of the trends in the transformation of the socio-cultural space, which is realized at the macro-, meso-, and micro-social levels. Its result is the expansion of living space to a transnational format, the formation of a drifting – transcultural identity and the diffuseness of cultures.

Keywords: cultural globalization, transculturalism, glocalization, educational migration, transidentity, sociocultural identity, sociocultural space.

Bibliographic description for citation:

Dumnova E. The Main Trends in the Transformation of the Socio-Cultural Space in the Context of International Migration. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 1, pp. 123–138. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-123-138.

References

1. Beck U. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is globalization?]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 304 p. (In Russian).
2. Berger P. Kul'turnaya dinamika globalizatsii [Cultural dynamics of globalization]. *Mnogolikaya globalizatsiya* [Many Globalizations]. Moscow, Aspekt Press, 2004, pp. 8–26. (In Russian).
3. Collier P. *Exodus: How Migration is Changing Our World*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2013 (Russ. ed.: Kollier P. *Iskbod: kak migratsiya izmenyaet nash mir*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2017. 384 p.).
4. Kontsepsiya gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na 2019–2025 gody [State Migration Policy Concept of the Russian Federation for 2019–2025]. *Prezident Rossii* [President of Russia]. Website. 2018, 31 October. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (accessed 11.08.2022).
5. Ptichnikova G.A. «Gibridy globalizatsii» v arkhitekture gorodov [“Hybrids of globalization” in the architecture of cities]. *Arkhitektura: sovremenniy opyt professional'noi samorefleksii* [Questions of the theory of architecture. Architecture: modern experience of professional self-reflection]. Moscow, Lenand Publ., 2017, pp. 210–219.
6. Xiao X.H.M. Sosushchestvovanie i sintez. Kul'turnaya globalizatsiya i lokalizatsiya na sovremennom Taivane [Coexistence and Synthesis. Cultural globalization and localization in modern Taiwan]. *Mnogolikaya globalizatsiya* [Many Globalizations]. Moscow, Aspekt Press, 2004, pp. 57–76. (In Russian).
7. Fukuyama F. *Identichnost': stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The desire for recognition and the politics of rejection]. Moscow, Al'pina Publisher, 2019. 256 p. (In Russian).
8. Huntington S. *Who are we? The Challenges to America's National Identity*. New York, Simon & Schuster, 2004 (Russ. ed.: Khantington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti*. Moscow, AST Publ., 2008. 635 p.).
9. Huntington S. *The Clash of Civilizations*. New York, Simon & Schuster, 1996 (Russ. ed.: Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow, AST Publ., 2011. 573 p.).
10. Yan Y. Upravlyaemaya globalizatsiya. Gosudarstvennaya vlast' i izmeneniya v kul'ture Kitaya [Managed globalization. State power and changes in Chinese culture].

Mnogolikaya globalizatsiya [Many Globalizations]. Moscow, Aspekt Press, 2004, pp. 27–56. (In Russian).

11. Albrow M. Introduction. *Globalization, Knowledge, and Society*. Ed. by M. Albrow and E. King. London, Sage, 1990, pp. 3–13.

12. Albrow M. *The global Age*. Stanford, Stanford University Press, 1997. 246 p.

13. Berger P. Four faces of Global Culture. *National Interest*, 1997, vol. 49, pp. 23–27.

14. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, Stanford University Press, 1990. 188 p.

15. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: politics, Economics, and Culture*. Cambridge, UK, Polity, 1999. 540 p.

16. Nederveen Pieterse J. Globalization as Hybridization? *Global Modernities*. Ed. by M. Featherston [et al.]. London, Sage, 1995, ch. 3, pp. 45–68.

17. Nederveen Pieterse J. *Globalization and Culture: Global Melange*. New York, Rowman and Littlefield, 2009. 196 p.

18. Robertson R. *Globalization*. London, Sage, 1992. 211 p.

19. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. *Global Modernities*. Ed. by M. Featherston [et al.]. London, Sage, 1995, ch. 2, pp. 25–44.

20. Robertson R. Habib Haque Khondker. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations. *International Sociology*, 1998, vol. 13, no. 1, pp. 25–40.

21. Tomlinson J. *Cultural Imperialism*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1991. 200 p.

22. Tomlinson J. *Globalization and Culture*. Chicago, The University of Chicago Press, Cambridge, Polity Press, 1999. 238 p.

23. Waters M. *Globalization*. London, Routledge, 1995. 185 p.

The article was received on 16.01.2022.

The article was reviewed on 11.03.2022.